

Иосиф Александрович Бродский

«Я еврей, русский поэт и английский эссеист», – И.А. Бродский.

Лауреат Нобелевской премии по литературе 1987 года.

Фото А.И. Бродского. Из архива Л.Я. Штерн.

Жизнеописание

Военное детство

Череповец, 1942г. Фото А.И. Бродского. Из архива М.И. Мильчика

Иосиф Александрович родился 24 мая 1940 года в Ленинграде.

*Я родился и вырос в балтийских болотах, подле
серых цинковых волн, всегда набегавших по две,
и отсюда – все рифмы, отсюда тот блеклый голос,
вьющийся между ними, как мокрый волос,
если вьется вообще [1, 99].*

Воспоминания из детства:

«Мать тащит меня на саночках по улицам, заваленных снегом. Вечер, лучи прожекторов шарят по небу. Мать протаскивает меня мимо пустой булочной <...>. Это и есть детство».

«Во время войны отец был в армии. Мать, между прочим, тоже была в армии – переводчицей в лагере для немецких военнопленных. А в конце войны мы уехали в Череповец» [9, 18].

«Мне кажется, в Петербурге самые сильные детские и юношеские впечатления связаны с этим необыкновенным небом и с какой-то идеей бесконечности» [9, 22].

Школа

С отцом. 1951 г. Фото М. М. Вольперт. Из архива М. И. Мильчика.

«<...> сначала я учился в школе, если не ошибаюсь, номер 203, бывшей «Петершуле» <...>. После четвертого класса почему-то оказалось, что мне оттуда надо уходить – какое-то серафическое перераспределение, связанное с тем, что я принадлежал к другому микрорайону. И я перешел в 196-ю школу на Моховой. Там опять что-то произошло, я уже не помню что, и после трех классов пришлось мне перейти в 181-ю школу. Там я проучился год, это седьмой класс был. К сожалению, я остался на второй год. И, оставшись на второй год, мне было как-то солоно ходить в ту же самую школу. Поэтому я попросил родителей перевести меня в школу по месту жительства отца, на Обводном канале. Тут для меня настали замечательные времена, потому что в этой школе был совершенно другой контингент – действительно рабочий класс, дети рабочих» [9, 23].

В характеристике, выданной Иосифу при переводе в пятый класс, классный руководитель писал: «По своему характеру мальчик упрямый, настойчивый, ленивый. Домашнее задание выполняет письменно очень плохо, а то и совсем не выполняет, грубый, на уроках шалит, мешает проведению уроков. Тетради имеет неряшливые, грязные, с надписями и рисунками. Способный, может быть отличником, но не старается» [10, 24].

«А после седьмого класса я попытался поступить во Второе Балтийское училище, где готовили подводников <...>. Но ничего из этой моей попытки, к сожалению, не вышло <...>. Я сдал экзамены и прошел медицинскую комиссию. Но когда выяснилось, что я еврей, – уж не знаю, почему они это так долго выясняли, – они меня перепроверили <...>. В общем, погорел я на этом деле, ну, это

неважно. В итоге я вернулся в школу на Моховую и проучился там год, но к тому времени мне все это порядком противело» [9, 24].

Поэт ушел из школы почти сразу по достижении того возраста, когда это позволялось законом. Сначала он еще пытался продолжить формальное образование – ходил в вечернюю школу, посещал вольнослушателем лекции в университете. Однако тот факт, что он стал широко и в некоторых областях знаний глубоко образованным человеком, объясняется только его неустанным самообразованием. Еще в молодые годы Иосиф Александрович самостоятельно выучил английский и польский языки, позднее читал латинские, итальянские и французские тексты, а в последние годы жизни изучал китайский.

Юность

У окна квартиры с видом на Спасо-Преображенский собор. 1956 г. Фото А. И. Бродского. Из архива М. И. Мильчика.

«<...> я пошел работать фрезеровщиком на завод «Арсенал», почтовый ящик 671. Мне было тогда пятнадцать лет».

*В автобусе утром я еду туда,
где ждет меня страшная рожка труда.
в конце ноября, в темень, слякоть и грязь,
спросонья в нем едут, вахтеров боясь,
угрюмые толпы с гнилыми зубами.*

Полощется ветер, злорадно смеясь [10, 36].

«<...> когда мне было шестнадцать лет, у меня возникла идея стать врачом. Причем нейрохирургом <...>. И вслед появилась опять-таки романтическая идея – начать с самого непереносимого. То есть с морга. У меня тетка работала в областной больнице, я с ней поговорил на эту тему. И устроился туда, в морг. В качестве помощника прозектора <...>. Но все это продолжалось сравнительно недолго» [9, 25-27].

После морга поэт короткое время работал кочегаром в бане, матросом на маяке, затем несколько лет принимал участие в геологических экспедициях на Севере. Это решение, по словам поэта, было вызвано его мечтой «путешествовать по свету».

«Началось это году в 1956-м или 1957-м, т.е. когда мне было лет шестнадцать-семнадцать. А кончилось примерно в 1962 году».

«В то время создавалась геологическая карта Советского Союза в миллионном масштабе. Вот и мы делали карту пород, залегающих в этой местности, на Севере».

О своем пестром профессиональном опыте Иосиф Александрович отмечает:

«<...> если говорить серьезно, то это мои университеты. И во многих отношениях — довольно замечательное время» [9, 30-33].

Первые творческие шаги

По словам поэта, стихи он начал писать лет в восемнадцать. Были также определенные обстоятельства, подтолкнувшие к творчеству:

«<...> импульсов было, пожалуй, два. Первый — когда мне кто-то показал «Литературную газету» с напечатанными там стихами Слуцкого. Мне тогда было лет шестнадцать, вероятно. Я в те времена занимался самообразованием, ходил в библиотеки. Нашел там, к примеру, Роберта Бернса в переводах Маршака. Мне это все ужасно нравилось, но сам я ничего не писал и даже не думал об этом. А тут мне показали стихи Слуцкого, которые на меня произвели очень сильное впечатление. А второй импульс, который, собственно, и побудил меня взяться за сочинительство, имел место, я думаю, в 1958 году. В геологических экспедициях об ту пору подвизался такой поэт — Владимир Британишский, ученик Слуцкого, между прочим. И кто-то мне показал его книжку, которая называлась «Поиски» <...>. И я чего-то там начал сочинять сам. И так оно и пошло» [9, 42].

В 1961 году Бродский знакомится с А.А.Ахматовой.

«Одно скажу: всякая встреча с Ахматовой была для меня довольно-таки замечательным переживанием. Когда физически ощущаешь, что имеешь дело с человеком лучшим, нежели ты <...>. С человеком, который одной интонацией своей тебя преображает <...>. Ничего подобного со мной ни раньше, ни, думаю, впоследствии не происходило» [9, 291].

О влиянии на становление своего творчества Иосиф Александрович также отмечает:

«Ничто так нас не сформировало — меня по крайней мере, — как Фрост, Цветаева, Кавафис, Рильке, Ахматова, Пастернак». «Эти люди нас просто создали. И все» [9, 53].

«Советы» против поэта

В 1959 году вышел журнал поэзии «Синтаксис», получивший впоследствии широкую известность как в СССР, так и за рубежом. В одном из выпусков журнала были опубликованы стихотворения Иосифа Александровича «Еврейское кладбище» и «Пилигримы». С тех пор у поэта начались неприятности с КГБ, аресты и психбольницы.

29 января 1962 года его арестовали и два дня продержали во внутренней тюрьме КГБ на Шпалерной. Велось следствие по делу двух знакомых поэта: Александра Уманского и Олега Шахматова [10, 56].

«Вы знаете, когда меня арестовали в первый раз, я был сильно напуган. Ведь вас берут обыкновенно довольно рано, часов в шесть утра, когда вы только из кровати, тепленький, и у вас слабый защитный рефлекс» [9, 85].

Иосифа Александровича поместили в одиночную камеру, которая вопреки логике обычного человека, произвела положительное впечатление на поэта.

«<...> когда меня первый раз в жизни привели в камеру, то мне, между прочим, очень там понравилось. Действительно понравилось! Потому что это была одиночка» [9, 87].

*В одиночке при ходьбе плечо
следует менять при повороте,
чтоб не зарябило, и еще
чтобы свет от лампочки в пролете
падал перемененно на виски,
чтоб зрачок не чувствовал суженья.
Это не избавит от тоски,
Но спасет от головокруженья [2, 79].*

В 1963 году в адрес Иосифа Александровича руководителем «народной дружины» Лернером был напечатан фельетон «Окололитературный трутень».

«Главным объектом внимания этой «дружины» была гостиница «Европейская», где останавливались много иностранцев. Как вы знаете, она расположена на улице Исаака Бродского, так что, может быть, этот господин (имеется ввиду Лернер) стал проявлять ко мне интерес именно из этих соображений?» [9, 77]

«Видимо, это была не собственная идея Лернера. Его, видимо, науськала госбезопасность. Поскольку мое досье все росло и росло. И полагаю, пришла пора принимать меры» [9, 77].

Конец 1963 и начало 1964 года были катастрофическим периодом в жизни Иосифа Александровича. Помимо политической травли, поэта настигает трагедия в личной жизни — разрыв с любимой женщиной, художником Марианной Басмановой, — надолго затмившая все остальные события.

13 февраля 1964 года Бродский был арестован на улице около своего дома. В течение суток родители не знали, куда пропал их единственный сын. 14 февраля у поэта в камере случился сердечный приступ — приехала «скорая помощь», сделали укол, но условия содержания не изменили [10, 88].

«Меня попутали на улице и отвезли в отделение милиции. Там держали, кажется, около недели. После чего меня отправили в сумасшедший дом на Пряжке, на так называемую судебно-

психиатрическую экспертизу. Там меня держали несколько недель. И это было самое худшее время в моей жизни» [9, 89].

*Больница. Ночь. Враждебная среда...
Все это не трагедия... К тому же
и приговоры Страшного Суда
тем легче для души моей, чем хуже
ей было во плоти моей... Всегда,
когда мне скверно, думаю, что ту же
боль вынесу вторично без труда [5, 196].*

В Дзержинском районном суде слушание дела поэта, обвиняемого в тунеядстве, состоялось 18 февраля. Второе заседание суда, 13 марта, решено было провести как показательный процесс. У входа висело объявление «Суд над тунеядцем Бродским».

Свидетелей обвинения было вдвое больше, чем свидетелей защиты. Адвокат Бродского З.Н. Топорова старалась на основании документов и свидетельских показаний доказать, что ее подзащитный никак не может быть осужден по указу о тунеядцах: немного, но зарабатывал, в антиобщественном поведении не уличен.

Позже Топорова вспоминала: «Бродский замечательно сказал свое последнее слово. Там было: *«Я не только не тунеядец, а поэт, который прославит свою родину»*. В этот момент судья, заседатели – почти все – загоготали».

Процесс продолжался около пяти часов и закончился поздно вечером. Поэта осудили на максимально возможное по указу 1961 года наказание – «выселить из гор. Ленинграда в специально отведенную местность на срок 5 (пять) лет с обязательным привлечением к труду по месту поселения» [10, 92-94].

«Видите ли, мне с самого начала процесса было ясно, что они хозяева. И поэтому они вправе на вас давить. Вы становитесь инородным телом, и в этот момент на вас автоматически начинают действовать все соответствующие законы — изоляции, сжатия, вытеснения. И ничего в этом экстраординарного нет» [9, 96].

«Мне повезло во всех отношениях. Другим людям досталось гораздо больше, приходилось гораздо тяжелее, чем мне» [9, 95].

Ссылка

Ссылные вечера. Из архива Я. А. Гордина

После вынесения приговора Иосиф Александрович на месяц пропал для родных и друзей. Его отвезли в тюрьму «Кресты», затем этапировали в тюремном вагоне, «Столыпине», в Коношу. Это станция между Вологодой и Няндомой, в южной части Архангельской области [10, 104], [9, 101].

«Я туда приехал как раз весной, это был март-апрель, и у них началась посевная. Снег сошел, но этого мало, потому что с этих полей надо еще выворотить огромнейшие валуны <...>. Чтоб там хоть что-то росло» [9, 104].

*А. Буров – тракторист – и я,
сельскохозяйственный рабочий Бродский,
мы сеяли озимые — шесть га.
Я созерцал лесистые края
и небо с реактивной полоской,
и мой сапог касался рычага.*

«Когда зимой температура начинает падать — сначала до пятнадцати градусов по Цельсию, потом до двадцати, потом до двадцати пяти, — ты еще замечаешь, что мороз крепчает <...>. Но температура продолжает падать и дальше, когда ты уже перестаешь замечать ее изменения как качественные, перестаешь реагировать» [9, 103].

*Друг Полидевк, тут все слилось в пятно.
Из уст моих не вырвется стенанье.
Вот я стою в распахнутом пальто,
и мир течет в глаза сквозь решето,
сквозь решето непониманья [2, 90-91].*

«Когда я там вставал с рассветом и рано утром, часов в шесть, шел за нарядом в правление, то понимал, что в этот же самый час по всей, что называется, великой земле русской происходит то же самое: народ идет на работу. И я по праву ощущал свою принадлежность к этому народу. И это было колоссальное ощущение!» [9, 106].

«И вообще, это был, как я сейчас вспоминаю, один из лучших периодов в моей жизни» [9, 111].

Во время отсутствия Иосифа Александровича друзья и коллеги по всему миру бесперерывно пишут письма, прошения, принимают все возможные меры в борьбе за свободу поэта. В правозащитном движении участвуют Ф.А. Вигдорова, Л.К. Чуковская, А.А. Ахматова, Д.Д. Шостакович, С.Я. Маршак, К.И. Чуковский, К.Г. Паустовский, А.Т. Твардовский, Ю.П. Герман, Жан-Поль Сартр и другие. В конце концов, через восемнадцать месяцев ссылки поэту разрешают вернуться в Ленинград.

К этому моменту в США под эгидой Inter-Language Literary Associates выходит его первый сборник стихов на русском языке «Стихотворения и поэмы».

Последние годы дома: 1965–1972

По возвращении в Ленинград Иосифу Александровичу помогают устроиться на работу переводчиком.

«Когда я только освободился, интеллигентные люди меня всячески, что называется, на щите носили» [9, 145].

Печатается несколько стихотворений. Речь заходит даже об издании первой книги в «Советском писателе», но дальше разговоров в редакции дело не заходит. И хотя прямые преследования властей утихли, КГБ не упускает поэта из вида, ситуация по-прежнему остается напряженной. Растет круг знакомств и популярность поэта за границей. В 1970 году в Нью-Йорке, в русскоязычном издательстве имени Чехова, выходит вторая книга Бродского, составленная им собственноручно, — «Остановка в пустыне». Однако Иосиф Александрович продолжает жить и работать на Родине, даже не помышляя об эмиграции.

*мы здесь и сгинем. Горькую судьбу
гордыня не возвысит до улики,
что отошли от образа Творца.
Все будут одинаковы в гробу.
Так будем хоть при жизни разнолики!
Зачем куда-то рваться из дворца —*

*Отчизне мы не судьи. Меч суда
Погрязнет в нашем собственном позоре: <...> [7, 31].*

Об апреле 1972 года Иосиф Александрович говорил:

«<...> как раз в это время я был в Армении <...>. Так вот, для журнала «Костер» <...> я собирал армянский фольклор и переводил его на русский. Довольно замечательное было время, между прочим...» [9, 159-160].

Поэтому звонок из ОВИРа, прогремевший в мае 1972 года, оказался для поэта полной неожиданностью.

«<...> мне сегодня с утра позвонили — представь себе — из ОВИРа, чтоб я к ним зашел. Но ничего при этом не объяснили. Не понимаю, может быть, у меня какой-нибудь американский дядюшка умер и оставил мне наследство?» [9, 156]

В ОВИРе Иосифа Александровича сначала обиняками, а потом прямо принуждают к заполнению анкет на выезд в Израиль к неизвестному родственнику.

«Я начинаю эти анкеты заполнять и в этот момент вдруг все понимаю. Понимаю, что происходит. Я смотрю некоторое время на улицу и потом говорю:

— А если я откажусь эти анкеты заполнять?

Полковник отвечает:

— Тогда, Бродский, у вас в чрезвычайно обозримом будущем наступит весьма горячее время.

Это точная цитата... Я и думаю: ну, значит, опять — то ли дурдом, то ли тюрьма... И не страшно это нисколько, но уж больно скучно» [9, 157].

«Я <...> не хотел уезжать из России. Меня к этому принудили. Я Брежневу Леониду Ильичу написал тогда, что лучше бы они позволили мне участвовать в литературном процессе в отечестве хотя бы как переводчику. Ну, не позволили» [9, 262].

То не колокол бьет над угрюмым вечем!

Мы уходим во тьму, где светить нам нечем.

Мы спускаем флаги и жжем бумаги.

Дайте нам припасть напоследок к флаге.

Почему все так вышло? И будет ложью

на характер свалить или Волю Божью.

Разве должно было быть иначе?

Мы платили за всех, и не нужно сдачи [2, 156].

В аэропорту «Пулково» в день эмиграции. 4 июня 1972 г. Из архива М. И. Мильчика

4 июня 1972 года поэт покидает свою страну, любимый город, родителей. Ему больше не суждено их увидеть.

Эмиграция или «жизнь после жизни»

*Как нас учат книги, друзья, эпоха:
завтра не может быть так же плохо,
как вчера, и слово сие писати
в tempі следует нам passati.*

*Потому что душа существует в теле,
Жизнь будет лучше, чем мы хотели [2, 154].*

Иосиф Александрович прилетел в Вену, где его встретил американский издатель и старый приятель — Карл Проффер. Через несколько дней в Кирхштеттене они встретились с У.Х. Оденом, с которым поэт давно состоял в переписке. Это была почти случайная счастливая встреча [10, 185].

«Он (У.Х. Оден) пытался организовать, устроить все мои дела <...>. Каким-то совершенно непостижимым образом телеграммы для меня стали приходить на имя Одена. Он пекся обо мне, как курица о своем цыпленке. Мне колоссально повезло» [9, 181].

Уже 9 июля 1972 года Иосиф Александрович прилетел из Лондона в Детройт. Ни в Европе, ни тем более в советской России не было ничего похожего на мир, в котором поэту предстояло жить [10, 194].

*... Милый Телемак,
все острова похожи друг на друга,
когда так долго странствуешь; и мозг
уже сбивается, считая волны,
глаз, засоренный горизонтом плачет,
и водяное мясо застит слух [8, 101].*

Стараниями Карла Проффера поэту было предложено место в Мичиганском университете. Так началась преподавательская деятельность Иосифа Александровича, продолжавшаяся впоследствии до конца его жизни.

Преподавание иногда увлекало поэта, иногда было ему в тягость, но он всегда относился к своей работе добросовестно, так же, как он не халтурил, сочиняя детские стихи или тексты для кино в Ленинграде [10, 191].

*Все то, что я писал в те времена,
сводилось неизбежно к многоточью.
Я падал, не расстегиваясь, на
постель свою. И ежели я ночью
отыскивал звезду на потолке,
она, согласно правилам сгоранья,
сбегала на подушку по щеке
быстрей, чем я загадывал желанье [2, 159].*

В 1973 году на английском языке выходит книга стихотворений «Selected poems», в переводе Джорджа Клайна. В 1977 году Иосиф Александрович издает «Конец прекрасной эпохи» и «Часть речи», в 1983 году «Новые стансы к Августе», в 1987 году сборник «Ураания» и в 1996 году «Пейзаж с наводнением». Последней книги поэт уже не увидел [10, 194].

В квартире на Мортон-стрит. 1980 г. Из архива Я. А. Гордина

За время своего прибывания в США Иосифу Александровичу довелось пожить в трех городах: в Энн-Арборе, Нью-Йорке и Саут-Хедли. Здесь у поэта, помимо западных интеллектуалов, образовался круг новых русских друзей. В последние пятнадцать лет своей жизни он постепенно становился не просто непререкаемым авторитетом, но и мэтром, Гулливером мировой поэзии. И новые друзья, естественно, относились к нему с почти религиозным поклонением. Казалось, что в их глазах он прямо-таки мраморел и бронзовел в лучах восходящего солнца [11].

«<...> когда тебе задают вопросы <...> и смотрят на тебя как на гуру, то чувствуешь себя несколько диковато — в любом, я думаю, возрасте, тридцать ли тебе лет или шестьдесят. И для меня такие вещи продолжают оставаться удивительными. Хотя и следовало бы к ним привыкнуть, поскольку я действительно преподаю <...>. И тем не менее, когда тебе задают такой вопрос — «Что вы можете посоветовать молодым поэтам?»... Да кто я такой, чтобы им советовать!» [9, 258]

Иосиф Александрович очень много путешествует по Европе и Америке. Он живет в Риме как стипендиат Американской академии, подолгу прибывает в Париже, Лондоне, Амстердаме, Стокгольме, особенно по душе приходится поэту зимняя Венеция, где он не раз встречает Рождество. В 1992 году выходит эссе «Набережная неисцеленных» «Watermark», посвященное Венеции.

Именно в Америке поэт начинает писать прозу и становится впоследствии известным эссеистом.

«Прозы, эссе я в России не писал. И если уж здесь, на Западе, приходится писать прозу, то, по крайней мере, надо себя как-то развлечь. А большего развлечения, чем писать на иностранном языке, я не знаю» [9, 219].

В октябре 1987 года Иосиф Александрович был удостоен Нобелевской премии по литературе «за всеобъемлющее творчество, пропитанное ясностью мысли и страстностью поэзии».

Поэт о своих впечатлениях по поводу Нобелевской премии говорил:

«<...> могу сказать, что сильного восторга или радости я не испытывал <...> В смысле признания самым большим переживанием для меня была не Нобелевская премия, а тот момент, когда я, еще

в России, узнал, что книжка моих стихов выходит в издательстве «Пингвин» с предисловием Одена. Это было покрепче всего остального. И, конечно, жалко, что отец с матерью этой вот церемонии вручения Нобельки не увидели» [9, 219].

Венеция. 1993 г. Из архива М. И. Мильчика

После первого инфаркта, перенесенного Иосифом Александровичем еще в 1964, поэта всю жизнь мучило сердце. Он перенес еще три инфаркта и несколько сложных операций на сердце. Тема смерти постоянно присутствует в творчестве поэта.

*«Был инфаркт, после чего я два года кое-как мыкался. Состояние нисколько не улучшалось, а даже ухудшалось. И тогда врачи решили меня разрезать <...> Вскрыли меня, как автомобиль <...> В общем, операция была довольно-таки массивная <...> Ко всему привыкаешь в конце концов. И возникает такое ощущение, что когда ты прибудешь **туда**, то там будет написано — «Коля и Маша были здесь». То есть ощущение, что ты там уже был, все это видел и знаешь» [9, 259].*

*Нам станет лучше, когда мелкий дождь зарядит,
потому что больше уже ничего не будет.
И еще позавидуют многие, сил избытком
пьяные, воспоминаньям и бывшим душевным пыткам [4, 204].*

1994 год:

*Меня упрекали во всем, кроме погоды,
и сам я грозил себе часто суровой мздой.
Но скоро, как говорят, я сниму погоны
и стану просто одной звездой [2, 274].*

Иосиф Александрович умер внезапно в своем кабинете в Нью-Йорке в ночь на 28 января 1996 года. Могила поэта находится на старинном кладбище Сан-Микеле в любимой им Венеции.

«Влияние поэта простирается за пределы его, так сказать, мирского срока. Поэт изменяет общество косвенным образом. Он изменяет его язык, дикцию, он влияет на степень самосознания общества» [9, 134].

Список литературы

1. Бродский И.А. Часть Речи: Стихотворения [Текст] / И.А. Бродский; подготовка текста Л. Лосев и А. Сумеркин. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 144 с.
2. Бродский И.А. Письма римскому другу: Стихотворения [Текст] / И.А. Бродский. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 288 с.
3. Бродский И.А. Конец прекрасной Эпохи: Стихотворения [Текст] / И.А. Бродский; подготовка текста Л. Лосев и А. Сумеркин. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2009. – 144 с.
4. Бродский И.А. Пейзаж с наводнением: Стихотворения [Текст] / И.А. Бродский; подготовка текста Л. Лосев и А. Сумеркин. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2009. – 240 с.
5. Бродский И.А. Остановка в пустыне: Стихотворения [Текст] / И.А. Бродский; подготовка текста Л. Лосев и А. Сумеркин. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. – 256 с.
6. Бродский И.А. Разговор с небожителем: Стихотворения, поэмы [Текст] / И.А. Бродский. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 448 с.
7. Бродский И.А. Рождественские стихи/ И.А. Бродский. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 96 с.
8. Бродский И.А. Новые стансы к Августе: Стихотворения [Текст] / И.А. Бродский. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 160 с.
9. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским [Текст] / С. Волков. — М. : Эксмо, 2013. — 448 с.
10. Лосев Л. Иосиф Бродский: Жизнь замечательных людей [Электронный ресурс] / Л. Лосев. — М. : Молодая гвардия, 2006. — 609 с.
11. Штерн Л. Поэт без пьедестала: Воспоминания об Иосифе Бродском (Диалог) [Электронный ресурс] / Л. Штерн. — Kindle Edition, 2015. — 364 с.
12. Чуковская Л. Дневники: Воспоминания [Электронный ресурс] / Л. Чуковская. — Kindle Edition, 2015. — 513 с.
13. Joseph Brodsky. Erinnerungen an Petersburg [Текст] / Joseph Brodsky; пер. на нем. Sylvia List, Marianne Frisch. – Regensburg.: Friedrich Pustet, 2013. – 154 с.
14. Joseph Brodsky. Watermark: An Essay on Venice [Текст] / Joseph Brodsky. — London: Penguin Classics, 2013. – 144 с.